
ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

ББК 63.521(=602)-529

А. Х. Абазов

«БРАК УМЫКАНИЕМ» КАК ИНСТИТУТ СОЦИОНОРМАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАБАРДИНЦЕВ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Изучение института «кражи невест» как элемента соционормативной культуры кабардинцев в последней четверти XIX в. является важной исследовательской задачей ряда отраслей современной историко-этнологической науки. В рамках юридической антропологии разработка этого вопроса способствует более глубокому пониманию особенностей правовой аккультурации обычаев и традиций кабардинцев и российских законов, а также характеристике обстоятельств и условий появления новых социальных норм, регулировавших общественные отношения на локальном уровне. С позиции женской истории народов Кавказа исследование поставленной проблемы имеет важное значение для определения специфики трансформации гендерных статусов традиционных обществ в условиях изменения законодательной базы Российской империи.

В историографии проблемы можно выделить несколько работ, авторы которых характеризовали различные аспекты регулирования гендерных отношений в традиционном кабардинском обществе (Г. Х. Мамбетов [13], С. Х. Мафедзев [14], З. М. Налоев [15], Х. М. Думанов [7, 9], Б. Х. Бгажноков [4], И. Л. Бабич [25], Л. Х. Сабанчиева [20, 21] и др.). Некоторые из них затрагивали и вопросы кражи невесты как формы заключения брака. Исследователи считали, что брак умыканием имел место тогда, когда родственникам жениха не удавалось достичь согласия со стороны девушки или ее родственников. Между тем, как отмечал Г. Х. Мамбетов, «в отдельных случаях похищение инициировалось с согласия девушки или с ведома кого-нибудь из ее родственников, если между родителями не была достигнута договоренность или родные девушки не желали родниться с данным женихом или семьей» [13, с. 212]. Большинство исследователей характеризовали обычай похищения девушек с целью вступления в брак как аномалию, нарушение норм обычного права, одно из оснований возникновения кровной мести.

Анализ источников показал, что определенные изменения в системе регулирования семейно-брачных отношений у кабардинцев произошли в связи с очередным принятием в 1885 г. ряда дополнений в «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (1845). По действующим на тот период законам кража невесты признавалась противоправным способом вступления в брак и составляла группу преступлений против брачного союза, объединенных в «Уложении...» (в редакции 1885 г.) в раздел XI «О преступлениях против прав семейственных». В одном из таких дополнений устанавливалось, что с этого времени споры, связанные с «похищением девушек для вступления в брак», не могли быть урегулированы примирением сторон [23, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 114].

Такие изменения вызвали определенный резонанс на Северном Кавказе, где брак умыканием во все времена считался достаточно распространенным явлением. Во второй половине 80-х гг. XIX в. после продолжительной переписки начальника Терской области с начальниками Нальчикского округа и Сунженского отдела на съездах доверенных сельских обществ был принят ряд важных решений. Так, в 1887 г. съезд доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ принял особые правила, которые предусматривали денежные штрафы в отношении организатора и соучастников похищений девушек с целью вступления в брак. Решением съезда было установлено, что «для прекращения обычая похищения молодыми людьми с целью достигнуть этим согласия девицы и ее родителей на брак с общего непринужденного согласия постановили: молодых людей, похитивших девушку с целью вынудить согласия ее и ее родителей на брак, подвергать штрафу в пользу общественной суммы в размере 200 рублей, хотя бы после увоза девушки и последовало согласие на брак со стороны невесты и ее родственников» [там же, л. 71—71 об.]. Было решено подвергать похитителя дополнительному денежному взысканию независимо от того, привлекался ли он до этого к ответственности в судах общей юрисдикции. Также устанавливались штрафные санкции и в отношении соучастников кражи невесты [там же]. Кроме того, «за увоз обвенчанной девушки не женихом — подвергнуть штрафу в размере 200 рублей и на лицо должен быть составлен общественный сельский приговор о ссылке из общества, соучастников увоза подвергнуть штрафу 100 рублей каждого» [там же]. Примечательно, что сословный статус похищенной женщины в данном случае не учитывался.

Этот приговор был утвержден начальником Терской области 12 января 1888 г. В дальнейшем принятые правила конкретизировались на локальном уровне в зависимости от составов съездов доверенных. Следует учитывать, что принятие таких императивов не должно было противоречить российскому законодательству, а их действие распространялось на территорию, на которой располагались делегировавшие доверенных сельские общества.

Необходимо отметить, что такие меры наказания функционировали и в рамках традиционной соционормативной культуры кабардинцев до их включения в правовую систему Российской империи и не воспринимались обществом как новаторство. У кабардинцев издавна существовала мера наказания под названием «кьуажэдэху», которая представляла собой изгнание из населенного

пункта человека, совершившего преступление [2, с. 211]. По сути, это был вид наказания за преступления, производный от изгнания из общества. С укрупнением аулов в 60-х гг. XIX в. преступников иногда изгоняли за пределы аульных кварталов (жэмхьата) [16, ед. хр. 12, л. 2]. В последней четверти XIX — начале XX в. этот вид наказания применялся по решению сельских сходов или сельских судов. В большинстве случаев выселение из аула применялось в отношении мелких воров [там же, л. 14], но в правоприменительной практике кабардинцев были случаи применения данного вида наказания и в отношении похитителей невест. В отличие от традиционных форм изгнания из общества преступников, в конце XIX — начале XX в. изгнанного из селения могли принять на прежнее место жительства по решению сельского схода в том случае, если он прекращал преступную деятельность или истекали сроки изгнания [там же, л. 15].

В данном случае особый интерес представляет нормотворческая деятельность съезда доверенных сельских обществ как института местного самоуправления, который функционировал в некоторых округах и отделах Терской области в последней трети XIX — начале XX в. Некоторые сведения об этом институте содержатся в работах Ж. А. Калмыкова [11, с. 105—120], Г. Х. Мамбетова [13, с. 164—169], Х. С. Кушхова [12], Б. А. Хромова [24], Ю. Д. Анчабадзе [1], Д. Н. Прасолова [17, 19] и др. Съезд доверенных представлял собой коллегиальный орган. Каждое сельское общество делегировало на него, как правило, двух избранных на сельском сходе представителей. Поначалу на таких съездах решались в основном хозяйственные вопросы [13, с. 165] и проходили выборы судей и кандидатов в судьи окружного суда [23, ф. И-2, оп. 3, ед. хр. 11, т. 1, л. 4 об.; 19, с. 168]. В последней трети XIX — начале XX в. компетенция этого органа была значительно расширена. Так, на съездах доверенных осуществлялись «избрание депутатов Нальчикского горского словесного суда, надзор за расходом Кабардинской общественной суммы, на средства которой содержались должностные лица окружного суда, лесничества, поземельные депутаты, Нальчикская горская школа, оказывалась поддержка студентам, обучающимся в учебных заведениях России, и решались многие другие вопросы местного благоустройства» [19, с. 168]. Все решения заносились в специальную «приговорную книгу», подписывались всеми участниками съезда и приобретали юридическую силу после их утверждения начальником Терской области [13, с. 167].

Механизмы формирования новых социальных норм на съездах доверенных и формы их внедрения в правоприменительную практику в современном кавказоведении изучены недостаточно. Наиболее обстоятельное исследование принадлежит Д. Н. Прасолову, который в одной из своих работ подробно рассмотрел деятельность этого органа по регламентации и регулированию поземельных отношений в Нальчикском округе в конце XIX — начале XX в. [19]. Он отмечал, что «решениями съезда доверенных вырабатывались условия адаптации традиционных распорядков землепользования к новой социально-экономической и политической ситуации» [19, с. 169]. Особенностью съезда доверенных являлось то, что он не был организован по чисто административному принципу [там же]. Д. Н. Прасолов писал, что «в его работе не участвовали

представители русских и казачьих общин Нальчикского округа. Наименование — Съезд доверенных сельских обществ Кабарды и пяти горских обществ — отражало не административную принадлежность съезда, а этнический состав его представительства, выходящий за рамки существовавших в определенное время административных единиц» [там же]. Через эту деятельность, как установил Д. Н. Прасолов, «были реализованы соционормативные механизмы по адаптации системы землепользования кабардинцев и балкарцев к новым социально-экономическим условиям» [19, с. 170].

Все это имеет определенное значение и при исследовании особенностей влияния съездов доверенных на трансформацию гендерных статусов в кабардинском обществе в последней четверти XIX в. Это явление можно подробно охарактеризовать на основе анализа общественного приговора, принятого 20 февраля 1890 г. на съезде доверенных от девяти сельских обществ Малой Кабарды, которая в то время входила в состав 1-го участка Сунженского отдела Терской области [23, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 103]. Основной повесткой дня на этом съезде стало обсуждение вопросов о кражах кабардинцами девушек с целью вступления в брак.

В ходе работы съезд принял ряд правил, которые подробно регламентировали отношения в данной сфере и устанавливали, что все похитители невест и их сообщники должны предстать перед судом. За кражу незасватанной девушки с похитителя взыскивался денежный штраф в размере 200 руб., а сам он высылался из Кабарды сроком на 3 года [там же]. При этом правонарушением считался только факт похищения девушки, а ее желание вступить в брак не учитывалось. Сообщники похитителя наказывались денежными штрафами в размере 100 руб. и изгонялись из селения сроком на 1 год. Такой же мере наказания должны были подвергаться и похитители вдов [там же].

Кроме того, на этом съезде доверенные сельских обществ постановили, что за умыкание засватанной девушки следует подвергать похитителя денежному штрафу в размере 100 руб., а его соучастников — штрафу в размере 25 руб. каждого [там же, л. 103 об.].

Похищение замужней женщины признавалось отягчающим вину обстоятельством. За такую кражу, даже если женщина находилась в браке непродолжительное время, доверенные сельских обществ решили подвергать похитителя штрафу в размере 300 руб. и высылке из региона пожизненно без права возвращения. Соучастников такого похищения — подвергать штрафу в размере 150 руб. каждого и удалять из общества на три года [там же].

Представителям мусульманского духовенства запрещалось совершать религиозные браки, если украденная до этого проживала в другой сельской общине. Так, в общественном приговоре съезда доверенных от девяти сельских обществ Малой Кабарды от 20 февраля 1890 г. было постановлено, что за девушку, «увезенную по накаяху, совершенному муллою не того квартала, в котором живет увезенная, а муллою другого квартала... увезшего по неправильному накаяху девицу подвергнуть штрафу в двести рублей и удалению из общества на три года; соучастников же его штрафу в сто рублей и удалению из общества на один год» [там же]. В этом случае брак признавался недействительным.

Представителей мусульманского духовенства подвергали штрафам в размере 200 руб. и высылке из общества сроком на 3 года [там же, л. 104].

Доверенные сельских обществ постановили изгонять из региона без права возвращения тех похитителей и соучастников похищения, которые оказывались не в состоянии уплатить установленные денежные штрафы [там же].

Исполнение наказаний по этой категории правонарушений возлагалось на сельских старшин. В общественном приговоре доверенных сельских обществ особо отмечалось, что «старшины, которые по получении от начальства распоряжения о взыскании с виновных денежного штрафа не взыщут такового по своей беспечности, в силу родства и приятельских отношений или иным причинам, — платят невзысканные штрафы из своего имущества полностью» [там же].

В случаях, когда у ответчика не было достаточных средств, чтобы уплатить штраф, ответственность налагалась по принципу круговой поруки на имущество всей его семьи. Все штрафы должны быть взысканы в пользу общественных сумм тех селений, из которых будут производиться кражи девушек с целью вступления в брак [там же].

Данный общественный приговор был подписан всеми делегатами съезда и засвидетельствован начальником 1-го Сунженского отдела Терской области полковником Н. А. Тоновым, после чего был утвержден временно исполняющим обязанности начальника Терской области генерал-майором Н. А. Шепелевым 8 марта 1890 г. [там же]. Принятые правила стали обязательными для исполнения во всех селениях, делегировавших своих представителей на этот съезд. Кроме того, после съезда ими должны были руководствоваться и члены сельских судов, рассматривавшие дела этой категории.

Подробное исследование правоприменительной практики кабардинцев, связанной с похищением невест, осложняется ограниченностью источниковой базы. Это объясняется тем, что на основании Высочайше утвержденного мнения Государственного совета Российской империи от 10 мая 1885 г. дела о похищении женщин с целью вступления в брак были изъяты из компетенции горских словесных судов [там же, л. 115]. В основном они стали рассматриваться сельскими судами или сельскими сходами. Некоторые сведения о сельских (аульных) судах содержатся в работах Х. М. Думанова, М. Ю. Кетова [8], Х. С. Кушхова [6], Ж. А. Калмыкова [11], И. Л. Бабич [3], Д. Н. Прасолова [19, с. 130—137] и др. Однако в них практически не затрагивались проблемы определения информативной отдачи источников при исследовании соционормативной культуры кабардинцев.

Суды (къуажэ) в кабардинских селениях были созданы на основании указа о сельском суде [22, с. 198] от 1869 г. и являлись частью судебной системы Терской области. Эта система складывалась в условиях взаимовлияния различных правовых систем (российской правовой системы, адата и шариата). При этом сохранялись некоторые институты традиционной соционормативной культуры кабардинцев и были выработаны модели их функционирования в судах, создаваемых по российскому образцу. Сами же сельские суды осуществляли правосудие в основном по нормам обычного права кабардинцев. В материалах сельских судов отображались сведения об удалении из села преступников, назначении опекунов, регулировании определенной группы имущественных

споров, мелком воровстве, взыскании долгов, назначении наказаний за оскорбления и причинение телесных повреждений в драках без применения оружия. В большинстве случаев подобные сведения приходится восстанавливать на основании анализа таких косвенных источников, как апелляционные жалобы на решения этих судов, приносимые в Нальчикский горский словесный суд. Право на обжалование решений сельских судов было закреплено во «Временных правилах для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» от 18 декабря 1870 г. Однако в материалах горских словесных судов Терской области практически не отражены апелляционные жалобы на решения сельских судов по делам о кражах женщин с целью вступления в брак. Имеются лишь данные о немногочисленных разбирательствах по определению подсудности по этой категории дел. Например, в 1889 г. начальник Терской области отменил решение Нальчикского горского словесного суда по делу «по обвинению жителя селения Исламово А. в похищении девицы Г. с целью вступления с нею в брак», которое было прекращено в связи с примирением сторон, на основании того, что такое решение противоречит законам Российской империи [23, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 115 об.].

Таким образом, анализ правоприменительной практики, связанной с кражей девушек с целью вступления в брак у кабардинцев, характеризует некоторые особенности их интеграции в правовую систему Российской империи в последней четверти XIX в. С одной стороны, в законодательном порядке устанавливались правила и нормы поведения, обязательные для соблюдения на территории всей страны. С другой — осуществлялась рецепция некоторых не противоречащих этой системе элементов соционормативной культуры традиционных обществ, включенных в состав империи. Такая рецепция, помимо выработки новых механизмов регулирования общественных отношений, во многом повлекла за собой и трансформацию гендерных статусов в кабардинском обществе в последней четверти XIX в.

Библиографический список

1. *Анчабадзе Ю. Д.* Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. — 1920-е годы). М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2012. 340 с.
2. *Апажев М. Л., Коков Дж. Н.* Кабардино-черкесско-русский словарь. Нальчик : Эльбрус, 2008. 704 с.
3. *Бабич И. Л.* Эволюция правовой культуры адыгов (1860—1990-е годы). М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999. 239 с.
4. *Бгажноков Б. Х.* Адыгская этика. Нальчик : Эль-Фа, 1999. 96 с.
5. *Бгажноков Б. Х.* Социальная организация семьи // Бгажноков Б. Х. Этнография адыгов. Нальчик : Эльбрус, 2011. 509 с.
6. *Думанов Х. М. Кушихов Х. С.* К вопросу у судоустройстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX — начале XX в. // Культура и быт адыгов : (этнографические исследования). Майкоп : АНИИ экономики, языка, культуры и истории, 1986. Вып 6. С. 41—51.
7. *Думанов Х. М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX в.). Нальчик : Эльбрус, 1991. 262 с.

8. *Думанов Х. М., Кетов Ю. М.* Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII — XIX в. Нальчик : Изд-во КБНЦ РАН, 2000. 130 с.
9. *Думэн Хь. М.* Адыгэхэм я дауэдапшэхэр этнографии терминхэм я псалгальэ кIэщI. Налшык : Эль-Фа, 2006. 216 с.
10. *Калмыков Ж. А.* Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик : Эльбрус, 1980. С. 105—120.
11. *Калмыков Ж. А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик : Эльбрус, 1994. 128 с.
12. *Кушхов Х. С.* Проблема преемственности Хасы и съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ // RES PUBLICA / Ин-т гуманитар. исслед. Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2003. Вып. 4. С. 22—30.
13. *Мамбетов Г. Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик : Эль-Фа, 2002. 268 с.
14. *Мафедзев С. Х.* Статус женщины в системе адыгэ хабзэ // Эльбрус. 1999. № 2. С. 198.
15. *Налоев З. М.* Культ женщины в адыгской традиции // Советская молодежь. 1990. 8 марта.
16. Научный архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Ф. 10. Оп. 1.
17. *Прасолов Д. Н.* К вопросу о правовых функциях Съезда доверенных Кабарды и Горских обществ // Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX — начале XX века : материалы всероссийской научной конференции, 24—26 сент. 2009 г. Карачаевск : Изд-во Карачаево-Черкес. гос. ун-та им. У. Д. Алиева, 2009. С. 240—245.
18. *Прасолов Д. Н.* Сельская община в Кабарде во второй половине XIX — начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2002. С. 130—137.
19. *Прасолов Д. Н.* Съезд доверенных сельских обществ и проблемы поземельных отношений в Нальчикском округе в конце XIX — начале XX в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 4. С. 167—172.
20. *Сабанчиева Л. Х.* Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев (вторая половина XVI — 60-е гг. XIX в.). Нальчик : Эль-Фа, 2005. 246 с.
21. *Сабанчиева Л. Х.* Традиционные институты уаса (калым) и дышырыкI (приданое) как регуляторы социальных и семейных отношений кабардинцев: гендерный подход // Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX — начале XX в. : материалы всероссийской научной конференции, 24—26 сент. 2009 г. Карачаевск : Изд-во Карачаево-Черкес. гос. ун-та им. У. Д. Алиева, 2009. С. 245—251.
22. Северный Кавказ в составе Российской империи. М. : Новое лит. обозрение, 2007. 460 с.
23. Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.
24. *Хромов Б. А.* «Съезд доверенных» как орган местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Сер.: Право. Нальчик, 2007. Вып. 2. С. 63—66.
25. *Babich I. L.* Women, Gender and Access to the Legal System: the Caucasus // Encyclopedia of Women and Islamic Cultures. Leiden : Brill Academic Publishers, 2004. Vol. 2. P. 170—179.